

Штутгартская опера — одна из лучших в Европе. Помню гастроли в Штутгартском оперном театре, мощный, огромный периметр его подземелья и современной театральную технику, позволяющую ставить самые необычные, сложные спектакли, подобные, например, «Потерянному Раю» Пендерецкого. Штутгартская постановка «Солдат» Б. А. Циммермана, осуществленная одним из крупнейших оперных режиссеров Гарри Купфером, также может быть причислена к сложнейшим спектаклям.

Впрочем, необычность всего увиденного во многом была predetermined и даже подробно предписана самим композитором. Даже экраны с демонстрируемыми на них слайдами и расставленные на разных ярусах и в разных сторонах зала мощные динамики — все это не выдумка режиссера, как могло показаться, но замысел самого композитора. Может быть, поэтому «Солдаты», написанные в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов, долго не могли увидеть свет рампы — мешала необычность. А между тем, все новации Циммермана, и поныне кажущиеся шокирующе непривычными, были продиктованы основной идеей композитора: показать некое сферическое, замкнутое пространство, из которого нет выхода, которое роковым образом включает в себя события, происходящие в разные времена и эпохи. Отсюда та «полистилистика» постановки, отчасти осязаемая и в музыке, которая соединяет чистый, абстрактный звуковой материал, близкий берговской традиции, — и отдельные, шокирующе «низовые» элементы, «музыку улицы»: марш, примитивный «бэнд», играющий на верхнем «ярусе» сцены, поделенной на три уровня по вертикали.

«Солдаты» — перевод не совсем точный. Скорее — «Офицеры»: речь идет о людях богатых.

Опера написана по пьесе одного из первых немецких романтиков, современника и друга Гете — Якоба Ленца. Действие происходит (точнее, начинается) в конце XVIII столетия. Это банальная история девушки, соблазненной офицером и затем вовлеченной в замкнутый круг, из которого она

„СОЛДАТЫ“

не может вырваться. Многое Циммерман добавляет от себя, перекидывая мост к нашему столетию. Вначале это происходит лишь намеком: странный джаз-бэнд, играющий на сцене, вдруг оказывается одетым в костюмы двадцатых годов XX века... В конце же оперы все переплетается, проходя под грохот фашистского марша; мы едва успеваем, а иногда и не успеваем следить за происходящим: калейдоскопичность и несовместимость событий доходит до катастрофической степени — и именно в силу этого начинает восприниматься как символ, объединяющий приметы разных эпох. Спускающиеся экраны привносят в спектакль привкус хроникальности. Время, характеры и смысл всей драмы как бы модулируют совсем в иное временное измерение.

Фигура Якоба Ленца сама по себе — очень примечательная. Один из теоретиков «Бури и натиска», он долгое время жил в Москве, где и умер сравнительно молодым человеком. Судьба Ленца стала, в свою очередь, основой интересной современной оперы западногерманского композитора Вольфганга Рима «Якоб Ленц» (в чем-то близкой по духу «Солдатам»), где драматург показан как страдающая, сомневающаяся личность фаустовского типа,

кончающая жизнь безумием. Сама личность Ленца, видимо, была близка Циммерману: как известно, композитор, написав свое последнее произведение (на тексты Библии и «Братьев Карамазовых» Достоевского), покончил жизнь самоубийством в 1970 году.

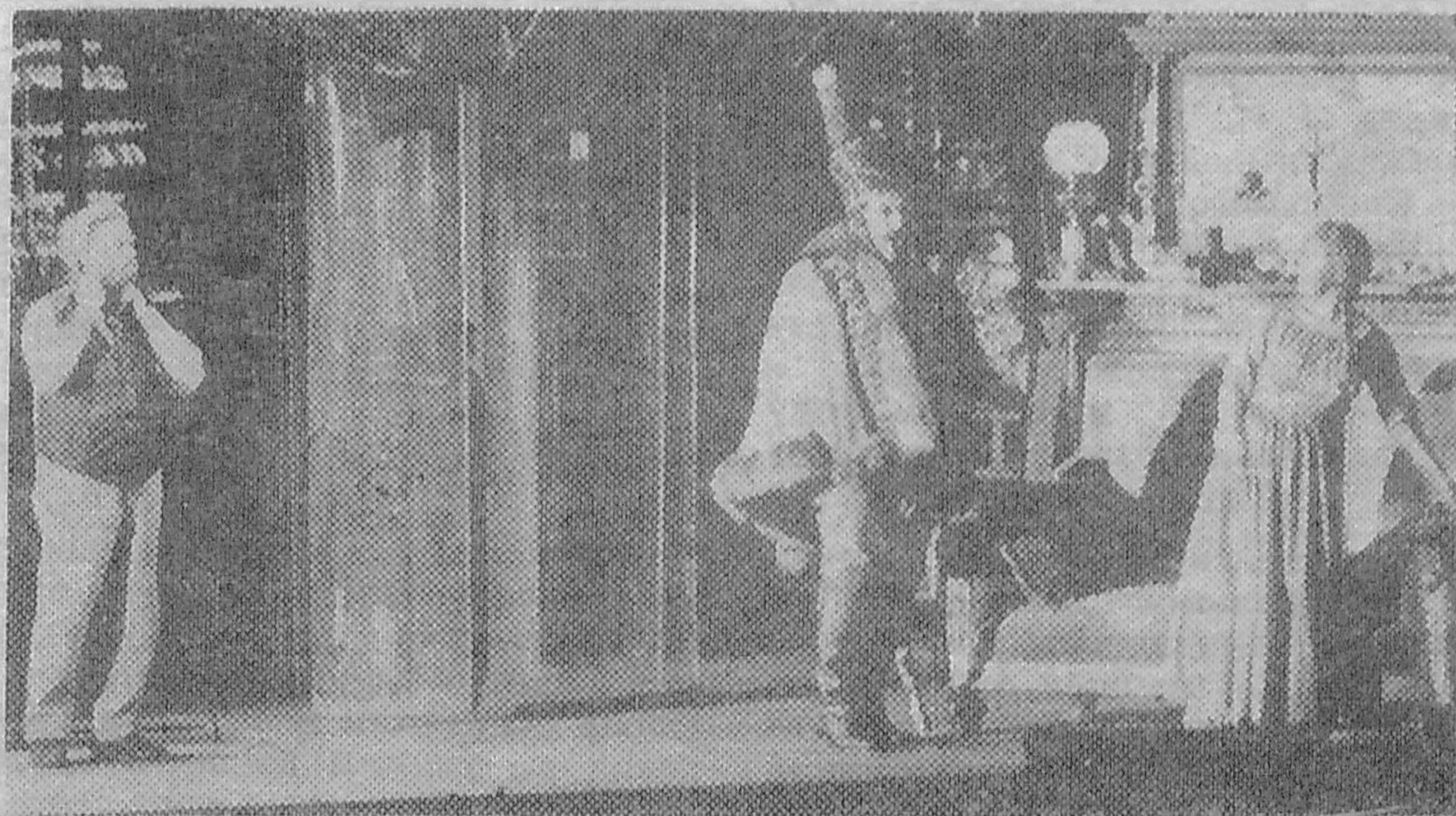
С тех пор «Солдаты» с триумфом были поставлены в различных театрах (сравнительно недавно — в Ганновере), став одной из самых популярных опер XX века. Бернд Алоис Циммерман, недооцененный при жизни, ныне тоже становится в ряд крупнейших композиторов нашего времени. Любопытно, что в своей музыке — а им написано множество чисто инструментальных, не театральных сочинений — он стремился к детальной проработанности ткани, к какой-то скрытой, даже зашифрованной каноничности — и одновременно к сочетанию разнородных, крупных, плакатных пластов. Это кажущееся противоречие обрачивается в его музыке особой, не на что не похожей оригинальностью и изысканностью. Так, в «Солдатах» все сцены имеют определенную, названную самим автором композицию, строясь как известные музыкальные жанры эпохи барокко, классицизма и романтизма. Здесь есть и чакона, и ричеркар, и токката, каприччио, рон-

дино, ноктюрн... В то же время, пожалуй, именно Циммерман, столь виртуозный мастер деталей и формы, одним из первых в XX веке на редкость органично соединил в своей музыке разные уровни, разные жанры, стили.

Именно эту особенность лексик Циммермана воплотил и осветил Гарри Купфер, блистательный режиссер, сумевший соединить динамичную, нервную-взвинченную сценографию спектакля с ощущением некоей парадоксальной цельности, которая составляет стержень всей драмы. Правда, Купфер не оставил ни одного чисто музыкального момента — все до отказа заполнено движением. А такие моменты, когда надо бы просто слушать музыку — все-таки в опере есть (несколько «Интермеццо»). Впрочем, может быть, в сложном контексте данной постановки это выглядело бы неким упрощающим диссонансом.

Излишне, пожалуй, говорить о мастерстве певцов-актеров, для нас, конечно, абсолютно не постижимом. Труднейшие вокальные партии певцы исполняют порой в немыслимых положениях и позах, которые наши певцы посчитали бы прямым издевательством... И, конечно, замечательно по мягкости и детализированности играл оркестр под управлением Бернгарда Конгарски.

Думаю, что «Солдаты», показанные Штутгартской оперой в рамках фестиваля музыки ФРГ в СССР, стали самым ярким впечатлением в сфере современной оперы после спорного, но тоже очень интересного «Боцдека» в постановке Гамбургской оперы, приехавшей к нам несколько лет назад. Когда видишь такой спектакль на сцене Большого театра, просто диву даешься и перестаешь верить, что ты находишься именно в Большом. Ведь, казалось, на нашей сцене все это невозможно — ну, хотя бы чисто технически. А ведь, оказывается, возможно. Что ж, будем ждать совместной работы с Гарри Купфером, которая, как было обещано, предстоит в одном из грядущих сезонов. А. ИВАШКИН.

На снимке: Шарлотта — Милагро Варгас, Депорт — Вильям Кохрэн, Мария — Ненси Шаде в сцене из спектакля «Солдаты».

Сов. артист. - 1989. - 22 сент.